

Геннадий БУГРЕЕВ:

«Любовью этой я связан...»

ДЛЯ железнодорожной оперетты Геннадий БУГРЕЕВ – не просто старейший актер. Он – как в пору это модное словечко! – актер уже культовый. Комик-буфф с миллионом характерных нюансов. Его роман с театром длится уже более полувека и не прекращается до сих пор. Он переиграл всю классику и характерную драматургию. Поставил более двух десятков спектаклей и почти сорок лет работал ассистентом режиссера. По-хорошему, ему уже пора начинать писать мемуары об удивительных встречах и десятках своих ролей, но...

Сцена, как и прежде, не отпускает его. Даже в день семидесятилетия, которое актер отметил 10 марта. А что делает артист в минуты горечи и торжества? Читает монолог.

Послушаем?..

Мои университеты

– Каре трех кемеровских четырехэтажек, в одной из которых я родился, образовывало большой двор, где свершала свои подвиги детвора военного времени. Заполненный шалопутной вольницей, двор выпускал тебя в большую жизнь либо талантом, либо бандитом. Третьего было не дано. До бандита с моим боевым характером было уже недалеко, но я неожиданно для себя и окружающих пристрастился к чтению. А потом запел в школьном хоре. Это и было моими первыми шагами в мир театра.

После школы пришел в Музкомедию Кузбаса. Приняли. Дали первую роль. В театре ставили «Акулину» Ковнера по мотивам пушкинской «Барышни-крестянки», и я был назначен Сенькой-подпаском. Этого Сеньку вдоль и поперек склонили по всей пьесе, а на поклоне мы с крестянской девушкой Акулиной еще и закрывали занавес. И когда впервые передо мной запахло тяжелые портьеры и зал взорвался аплодисментами, счастью моему не было предела. Восторженно хлопали спектаклю, а я думал, что весь восторг зала адресован мне. Ночь после премьеры была бессонной...

Театрального училища или вуза я не оканчивал. Я жил сценой, на ней играл и на ней же и учился. Мне было на кого молиться: на кемеровской сцене играла половина труппы сгоревшей Ташкентской музкомедии, куда, в свою очередь, прибыли в эвакуацию столичные актеры – Александр Константинович Бобров, Сага Леопольдовна Мацеевич. Их манеру игры, мимику, жесты я ловил с полувзгляда, примеряя на себя, назубок заучивал роли, чтобы в случае замены сказать: я смогу это сыграть!

Понемногу в спектаклях стал пробоваться на молодых простаков, разучивал характерные роли, увлекся искусством гримировки, старательно наклеивая себе, человеку двадцати с небольшим лет, морщины, бакенбарды, лысину...

Скоро меня стали назначать на ведущие роли в театре. Через некоторое время из Кемерова меня пригласили в Барнаул. В декабре 1958-го бывший дирижер Алтайской музкомедии Джон Борисович Амирагов позвал в Красноярскую оперетту. А через два года я впервые приехал в театр, с которым связал свою жизнь.

Способности Бугреева добиваться своего можно только позавидовать. В Кемеровскую

музкомедию он попал семнадцати лет, при этом выглядел на четырнадцать, но искренне утверждал, что ему девятнадцать. Худрук взял его в труппу за умение убедительно врать во имя искусства.

В начале карьеры кто-то высказался, что Бугреев на сцене хорош, но танцевать не умеет. Последующие полтора года работы в Алтайском театре Геннадий дневал и ночевал в балетном классе, разучивая у станка немыслимые па, и в Красноярск уже приехал не только простаком, но простаком ТАНЦУЮЩИМ, что дорогого стоило в актерской Табели о рангах.

Будущую жену Бугреева – балетную красавицу Наталью подруги долго отговаривали выходить за него замуж: что мог дать девушке актер с жалованием в шестьсот рублей? После свадьбы Геннадий поклялся жене, что через пять лет станет получать один из самых высоких окладов в театре. Сказал и испугался, однако к началу 60-х его уже вызывали «на бис» как одного из самых известных актеров Красноярска-26.

Не прячь улыбку, Бебирли!

– В музыкально-драматический театр имени Станиславского, так тогда называлась наша оперетта, я пришел в 1960-м. Впервые попал на репетицию «Сильвы» и обомлел: сколько на сцене невероятно красивых фактурных актрис! Определить, кто здесь главная героиня, с первого взгляда было просто невозможно!

Труппа с самого начала подобралась очень сильная, хорошо усвоившая ансамблевый стиль игры, где актер работает не на себя – на спектакль. Мощный актерский состав позволял ставить что угодно, от классики до современной пьесы. Начал я с роли Бони из кальмановской «Сильвы» и с других опереточных простаков. Потом, вспомнив кемеровские опыты, напросился на роль папаша Дуллитла из «Моей прекрасной леди» Лоуренса, сыграв парочку подагрических старичков. Простак все-таки был героем одного плана, мне же нравилось создавать характеры, и уже пожившие и немало повидавшие возрастные герои были как раз кстати.

В 1968-м в театр пришли деятели столичной школы – дирижер Лев Оссовский и режиссер Арон Закс. Они задали труппе такую творческую планку, достичь которой было честью для любого актера. В 1970-м наш театр целый месяц давал спектакли в Москве, и искушенная московская публика принимала нас как звезд первой величины. Для меня эти гастроли тоже стали своего рода «звездным часом» – драматически интересная роль солдата революции в спектакле «Ветер дальнего весны», подагрический старикан в оперетте «Граф Люксембург», потрясающе интересный образ дядюшки Бебирли в азербайджанской пьесе «Кавказская племянница»... В эти ролях я просто купался, находя в каждой мелочи собственный неповторимый штрих и шарм.

Мне было тридцать шесть, когда Оссовский предложил сменить амплуа. В театре совсем не осталось комиков, и для большинства спектаклей именно комик был необходимой «номенклатурой». И хотя простаков я мог играть еще долго, переход в новое качество меня ничуть не огорчил – наоборот, обрадовал! Сколько удивительных, ярких и драматически сочных образов мне

предстояло сыграть!

Комический талант Геннадия Бугреева во время московских гастролей произвел впечатление не только на публику – им были очарованы даже строгие критики.

«Бугреев удивительно и богато ритмичен. Он приносит зрителям наслаждение во все время пребывания на сцене. Как живет в танце его подвижное гибкое тело! А ведь комик играет старика... Красноярский театр гостил в Москве примерно месяц, но москвичи уже успели полюбить Бугреева, на каждом спектакле его встречали аплодисментами. Вот артист, несущий радость, комик, истинный и талантливый!»

Примечательно, что эти строки из рецензии на спектакль «Кавказская племянница» написал в журнале «Театр» Виктор Ардов – эстетствующий сноб, друг Анны Ахматовой и один из самых титулованных критиков театральной Москвы. Человек, которому наблюдать знаменитого комика-буффа Ярона в 1919 году было также естественно, как пойти в театр в 1970-м. Одной-единственной подобной рецензии многие ждуть всю жизнь. Для Геннадия Бугреева она стала заслуженной оценкой его таланта.

Впоследствии из-за яркой актерской игры Бугреева роль старого азербайджанца стала в спектакле ключевой, и «Кавказская племянница» получила другое название – «Не прячь улыбку, Бебирли!». Воистину, вот она, волшебная сила искусства!

Репризы, придуманные Бугреевым для роли Бебирли, режиссер Закс переписал для одного ленинградского актера, кстати, выходящего с Кавказа. Но многократно опробованные хохмы завалились. Почему? Просто автор реприз дядюшку Бебирли не играл. Он им становился каждый раз, когда выходил на сцену.

Не устраивайте мне сцену!

– Сколько ролей за свою жизнь я сыграл? Порядка двух сотен. Зулпан и Ленижек в «Марице», Тони и Пеликанчик в «Принцессе цирка», Ерофей в «Сладкой ягоде», Аргант в «Плутнях Скапена», Ипполит во «Фраските», Бони и Воляпук в «Сильве», Наполеон и Филипп в «Баядере»... Во многих спектаклях я перемерил по несколько масок. В одной только «Фиалке Монмартра» не играл только героя – Айзенштейна и... героиню. А так – почти всех: Неизвестного, адвоката, лесничего, Франка, Фалька, дежурного тюрьмы... Все созданные образы мне дороги... Когда ты репетируешь, ты заболеваешь, и каждая роль – это выношенный ребенок. В этом есть какой-то пафос, но это театр. Здесь по-другому нельзя...

Мне везло с режиссерами. Черепанов, Закс, Штивельман, Ошаровский, Кордунэр. Все они заставляли думать и творить, каждый раз заставляя публику смеяться и плакать.

Сцена подарила мне замечательных партнеров – Виктора Волкова, Ирэн Кунову, Володю Хованского, Наталью Бугрееву, Сергея Шестакова. С хорошим партнером играть так же легко, как жить и дышать. Потому что если уж актер входит в роль...

Как-то на гастролях в Норильске Валентина Юркевич играла Сильву. По сценарию в финале

первого акта она от отчаяния взлетает на стол и поет: «Частица черта в нас заключена, заключена-а-а...» И падает. Надо знать Валентину Васильевну: когда она в ударе, ей все равно, куда падать и кто ее ловит. Ей надо упасть, и она падает. И она летит... за секунду до того, как я должен подойти. Поймал я ее в прыжке, чуть не у оркестровой ямы, у «красной линии», на вытянутые руки. Со стороны все смотрелось очень эффектно, зал взорвался аплодисментами. А я чувствую: встать не смогу. По мизансцене-то мне ее нужно еще красиво поднять и красиво унести – по станкам, вверх, на угод...

И вот Юркевич лежит у меня на руках – такая шикарная, голова запрокинута, и сквозь зубы шепчет балетным:

– Поднимите Бугреева! Он встать не может!

Подшли ко мне, под локоточки поддержали. Дальше я, слава богу, сам справился. За кулисами долго не мог прийти в себя. Но Юркевич-Сильву понял – это и есть актерский кураж!

С театром у меня действительно случился роман. Каждая сыгранная мною роль – и веселые опереточные простаки, и драматические характеры, и бесчисленное множество стариков – смешных, занудных, мудрых – все это замешано на любви к сцене и зрителю. И повязан этой любовью я всю свою жизнь...

Актерская судьба Геннадия Бугреева была щедрой и благодарной. Его искрометному таланту рукоплескали зрители многих городов Советского Союза. Двенадцатого апреля 1972 года Бугрееву присвоили звание Заслуженного артиста РСФСР. На краевом фестивале «Театральная весна» он дважды удостоивался «Хрустальной маски» – высшей награды актерского мастерства.

Простой смертный Геннадий Бугреев опасается числа «13». Актер Бугреев не боится ничего. И свою юбилейную роль дядюшки Франсуа в «Фиалке Монмартра» сыграет именно 13 марта, посвятив ее друзьям и поклонникам. В присутствии настоящего артиста даже приметы перестают играть свою мистическую роль.

Светлана КОРШУНОВА
Фото из архива Геннадия Степановича БУГРЕЕВА

Гул затих, я вышел на подмостки...
В начале карьеры

Царей я переиграл немало количество!
Менелай в «Прекрасной Елене»

«Красотки, красотки, красотки кабаре!»
В роли Бони из оперетты «Сильва»

В театре главное – кураж!